

ИРИНА ТАРАСОВА

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
(Саратов, Россия)

ORCID 0000-0003-3188-215X

e-mail: tarasovaia@mail.ru

КОНЦЕПТ *СВОЙ/ЧУЖОЙ* В ПОЭЗИИ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

OWN-OR-ALIEN CONCEPT IN GEORGE IVANOV'S POETRY

Abstract:

The one's own-or-alien concept refers to the archaic oppositions and at the same time it characterizes modern consciousness and national world perception. The semantic core of this concept is an idea of one's homeland, one's own space, therefore it is associated with the opposition "homeland vs. a foreign land". In the George Ivanov's idiosyncrasy the structure of this concept is asymmetrical: the segment of the alien is nuanced in more detail and is represented by a large number of representations. The one's own / alien concept has world-modelling properties, superimposed, like a grid of coordinates, on the objects of the poetic world of Georgy Ivanov. Thus, there are three instances of Russia in his poetic world: Russia is an empire, Soviet Russia, and imaginary Russia. The poet equally rejects Russia's past and the Bolshevik present, creating the Russia of his own, i.e. a virtual literary being. The opposition of one's versus another's subjugates the other oppositions of Georgy Ivanov's poetic system (i.e., winter / spring, south / north, there / here, St. Petersburg / Paris or Nice, true / false, reality / dream).

Keywords:

own-alien opposition, concept, Russian emigration, George Ivanov

Вынося в заголовок статьи слово «концепт», необходимо отметить, в каком именно значении здесь употреблен термин, находящийся в зоне терминологической и методологической рефлексии когнитивологов¹.

Мы понимаем концепт двояко: и как единицу индивидуального творческого сознания писателя, и как концепт культуры, т.е., говоря словами Ю. С. Степанова, „сгусток культуры в сознании человека”². В Словаре констант русской культуры Ю. С. Степанов упоминает концепт "свой/чужой" в числе главных концептов национально-мироощущения³. Интересно проследить, как этот концепт преломляется в сознании одного из ведущих поэтов русской эмиграции.

Как показал Юрий Степанов, этимологически концепт „свой” связан с идеей кровного родства, на которую наложился пространственный метонимический перенос (место проживания своих). Впоследствии объем концепта расширился до охвата национальных особенностей (свои люди, свой круг, свои обычаи).

„Этимологический исток” концепта связан с идеей *родного* (мира, земли, пространства), и именно это семантическое ядро лежит в основании противопоставления свой/чужой (не наш, далекий — в прямом и переносном смысле). Что касается семантики принадлежности (собственный, являющийся личным имуществом), самости (свойственный только данному предмету, своеобразный), которые реализуются в системе словарного значения слова „свой” в современном русском языке⁴, то она является исторически вторичной.

Как это часто бывает, в поэтических системах реконструируется этимология концепта. В поэтическом творчестве Г. Иванова концепт „свой/чужой” прежде всего связан с оппозицией родина (Россия, русское)/ чужбина (чужая страна). Мы остановимся именно на этой оппозиции и миромоделирующей функции заявленного концепта.

¹ Ирина Тарасова: *Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы*. Москва 2018, с.37.

² Юрий Степанов: *Константы. Словарь русской культуры*. Москва 2004, с. 43.

³ *Ibidem*, с. 126.

⁴ *Словарь русского языка в 4 томах*. Том 4. Москва 1998, с. 55. В структуре словарной статьи порядок значений иной: значение „родной”, являющееся исторически исходным, помещено только под цифрой 5. В качестве основного указано значение „принадлежащий себе, свойственный самому себе; собственный”.

Концепт свой/чужой обладает оценочным потенциалом, и в силу этого может рассматриваться как важнейшая категория поэтического мира. Левый член оппозиции оценивается положительно, правый обладает отрицательной оценкой. Эта (архаическая) языковая черта в полной мере проявляется в творчестве Г. Иванова.

Основными вербализаторами концепта являются лексемы „свой” и „чужой” („чуждый”). Их количество в словаре Г. Иванова относительно невелико: 6/15⁵. Маркированным членом оппозиции выступает чужой. Другими словами, в поэтическом мышлении Г. Иванова концепт свой/чужой обладает несимметричной структурой: сегмент „чужой” проработан детальнее и представлен большим количеством репрезентаций, и это не бытовая, а бытийная чуждость.

Герою раннего Иванова чужд весь мир: „И хочется сказать — мир чуждый, исчезни с глаз моих скорей”⁶, „Мы только гости на пиру чужом” (503).

В позднем творчестве синтаксические партнеры имени концепта придают ему экзистенциальное измерение (*чужая душа, чужая жизнь, лицо уже чужое*) и космический масштаб: „Ты заброшена в наше пространство, где тебе даже звезды чужды” (440).

Основу противопоставления свой/чужой задает пространственная семантика, осложненная психологическими коннотациями (чужой — „имеющий мало общего, не сходный по духу, взглядам, интересам; чуждый, далекий”⁷): своя страна/ чужая страна (земля): „За столько лет такого маянья По городам чужой земли Есть, отчего прийти в отчаянье...” (578).

В этом и других контекстах, связанных с оппозицией родина/чужбина, прилагательное „чужой” реализует словарное значение „не являющийся родиной”, „неродной”: „Спит спокойно и сладко чужая страна” (338).

Метонимический сдвиг награждает эпитетом „чужой” и заполнителей этого пространства: „Она летит, весна чужая..” (523); „Голубизна чужого моря, Блаженный вздох весны чужой Для нас скорей эмблема горя, Чем символ прелести земной” (364).

⁵ Частотный словарь Г. Иванова содержит около 32 тысяч словоформ.

⁶ Георгий Иванов: *Собрание сочинений в 3 томах*. Том 1. Москва 1994, с. 502. Далее все цитаты приводятся по этому изданию с указанием номера страницы в скобках.

⁷ *Словарь русского языка в 4 томах*. Том 4. Москва, 1998, с. 693.

Идея своего, кроме базового репрезентанта — гиперлексемы „свой”(*по-своему, своё*) — может быть выражена и местоимением „мой”: „то, что принадлежит или свойственно мне”⁸, которое в позднем творчестве приобретает статус своеобразного экзистенциального маркера, ограничивающего личное пространство героя, готового к смерти: „Вечер. Может быть, последний Пустозвонный вечер мой” (583); „А может быть, еще и не конец? Терновый мученический венец Еще мой мертвый не украсит лоб...” (558); „Бедный мой ангел, прощай и прости!.. Дальше с тобою мне не по пути” (560).

В структуре местоимения „мой” также выделяется пространственное значение „такой, к которому я принадлежу, частью которого я являюсь (*Широка страна моя родная*)”⁹. Такой оттенок употребления можно усмотреть в нескольких стихотворениях „Дневника”: „Может быть, умру я в Ницце, Может быть, умру в Париже, Может быть в моей стране...” (442); „Узнает ли когда-нибудь она, Моя невероятная страна, Что было солью каторжной земли?” (370). В *Посмертном дневнике*, когда идея возвращения обнаруживает свою утопичность, в аналогичных случаях употребляется прилагательное свой: „Свою страну увижу наяву... И буду я прославлен и богат, Своей страны любимейший поэт...” (558).

Между „своим” и „чужим” пространством своеобразно перераспределены природные реалии-символы: розы, пальмы, море — приметы Франции; мухомор, березы, русский снег, русская стужа, „безнадежная линия бесконечных лесов” — России.

Противопоставление своего и чужого подчиняет себе и другие оппозиции художественной системы Г. Иванова (зима/весна, юг/север, там/здесь, Петербург/Париж, Ницца, настоящее/ложное, явь/сон), отчетливо проявляющиеся в тексте стихотворения *Ликование вечной, блаженной весны... (Посмертный дневник)*:

Ликование вечной, блаженной весны.
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.
Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной царской столице.

⁸ Ibidem, том 2, с. 288.

⁹ Ibidem

Там остался я жить. Настоящий. Я — весь.
 Эмигрантская быль мне всего только снится —
 И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.
 ...Зимний день. Петербург. С Гумилёвым вдвоём,
 Вдоль замёрзшей Невы, как по берегу Леты,
 Мы спокойно, классически просто идём,
 Как попарно когда-то ходили поэты (586).

Другими словами, концепт свой/чужой обладает миромоделирующими свойствами, накладываясь, как сетка координат, на объекты поэтического мира Г. Иванова, выстраивая основные образы-концепты его мироощущения (это касается не только внешней, но и внутренней их дифференциации).

Покажем это на примере анализа концепта „Россия”.

Ю. С. Степанов рассматривает 3 слоя концепта свои/чужие:

- этнический
- географический (пространственный)
- социальный (идеологический)¹⁰.

Все эти слои актуальны для творчества Г. Иванова, все они выделяются как концептуальные признаки концепта „Россия”.

Условно в содержании концепта можно выделить три сегмента — три России Г. Иванова.

Первый сегмент — Россия-империя, Россия прошлого. Пожалуй, самые известные строки Г. Иванова „Хорошо, что нет царя, Хорошо, что нет России...” (276) относятся именно к ней. Под отрицание здесь попадают пространственный (империя с огромной территорией) и идеологический слои концепта, нашедшие отражения в дореволюционном творчестве поэта, особенно в стихотворениях периода *Памятника славы*.

По модели отрицания построены и другие лирические тексты: „А, может быть, России вовсе нет...” (299); „Нет в России даже дорогих могил... Нету Петербурга, Киева, Москвы” (382); „И нет ни России, ни мира...” (275).

Мысль о гибели России присуща эмигрантскому сознанию в целом¹¹. Особенностью художественного почерка Г. Иванова является ироническая модальность этого утверждения:

¹⁰ Юрий Степанов: *Константы. Словарь русской культуры*. Москва 2004, с. 139.

Что мечтать-то: отшумели годы,
 Всё исчезло, сгнили мертвецы,
 Но, пожалуй, рыцари свободы
 Те ещё отчаянней глупцы.
 Мнится им — из пустоты вселенной
 Заново, и сладко на душе,
 Выгарцует этакий Керенский
 На кобыле из папье-маше (541).

Г. Иванов не разделяет политических упований своих соплеменников, открыто и беспощадно заявляя об этом в целом ряде стихотворений: „На мутном солнышке покой и благодать, Они надеются, уже недолго ждать — Воскреснет твердый знак, вернется ять с фитою И засияет жизнь эпохой золотую” (540).

Эта Россия — идеализированное историческое прошлое — ему, безусловно, чужда. Роль оценочного идентификатора „чужой” выполняют местоимения „ваша”, „не мне”: „Я вашей России не помню и помнить ее не хочу” (422); „Так издали рисуются — не мне! — Империи последние мгновенья” (545).

На образном уровне концепта¹² идея гибели империи реализуется при помощи метафоры Россия — строение: „Россия рухнула во тьму” (547). Политический нигилизм Г. Иванова выражается афористичной формулой: „И ничему не возродиться Ни под серпом, ни под орлом!” (412).

Второй сегмент — Россия советская. Этот сегмент концепта формируют понятийные признаки „власть” (рабоче-крестьянская), „беззаконие”, „насилие”, „неверие”. Чуждость этой России — чуждость идеологическая.

Негативная окраска пронизывает предметный слой концепта, представленный портретными характеристиками вождей („Вот Берия, похожий На вурдалака, ждущего кола”, „Великий из великих” — Оська Сталин”(531), и образный слой концепта, эксплицированный в тропеических образованиях: „Рай пролетарского труда, „царь’ в коммунистическом мундире” (530).

---

¹¹ См., например, у Марины Цветаевой: „С фонарем обшарьте Весь подлунный свет! Той страны на карте —Нет, в пространстве — нет” (*Страна*).

¹² Модель концепта подробно обсуждается нами в работе: Ирина Тарасова: *Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте*. Москва 2012.

Трагическая тональность выражается через образные параллели. Образный слой концепта включает модели концептуализации Россия — река, Россия — женщина („Россия, Россия ‘рабоче-крестьянская’ И как не отчаяться! — Едва началось твое счастье цыганское И вот уж кончается. Деревни голодные, степи бесплодные...” (278), Россия — тюрьма („Стоят рождественские елочки, Скрывая снежную тюрьму” (387).

Ассоциативный слой этого сегмента концепта репрезентируется абстрактной лексикой ментальной и природной сфер, содержащей символические коннотации отрицательного плана: „Россия тишина. Россия прах. А, может быть, Россия — только страх. Веревка, пуля, ледяная тьма и музыка, сводящая с ума. Веревка, пуля, каторжный рассвет Над тем, чему названья в мире нет” (299).

Пространственный компонент представлен через образы бескрайнего пустого пространства (своеобразная дурная бесконечность): „И нет ни Петербурга, ни Кремля — Одни снега, снега, поля, поля... Снега, снега, снега... А ночь долга, И не растают никогда снега” (299).

Неоднозначность оценки России советской и её положения на шкале свой/чужой создается за счет актуализации этнической составляющей концепта. Показателем своего пространства (в том числе и ментального) может считаться прилагательное „русский”.

„Русский человек” оказывается медиатором, связывающим поэта с родиной: „Знаю — там остался русский человек. Русский он по сердцу, русский по уму, Если я с ним встречу, я его пойму. Сразу, с полуслова... И тогда начну Различать в тумане и его страну” (382). „Его”, т.е. чужая страна в одном из стихотворений *Посмертного дневника* парадоксальным образом превращается в „свою страну” („И буду я прославлен и богат, Своей страны любимейший поэт...” (558), хотя эта иллюзия мгновенно разрушается в финальных строках: „Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет...” (558).

Чужой России прошлого и настоящего противопоставлена в поэтическом мире Г. Иванова „своя” Россия — Россия воображаемая (виртуальное художественное инобытие). Для Г. Иванова как петербургского поэта покинутая и желанная родина — прежде всего Петербург:

Как осужденные, потерянные души
 Припоминают мир среди холодной тьмы
 Блаженней с каждым днем и с каждым часом глуше
 Наш чудный Петербург припоминаем мы (500).

Именно Петербург претендует на статус своего („нашего“) пространства — общего пространства памяти поэтов-эмигрантов.

Поэтические приемы „наплывания“, проступания „сквозь“, совмещения двух миров — реального и мнимого, который оказывает гораздо более реальным — чрезвычайно характерны для изображения России как условной реальности (В. Набоков, В. Ходасевич). Возникающие в результате совмещения двух пространств причудливые образы-бленды (интеграты)¹³ создает и Г. Иванов. При этом образы воображаемой родины обладают ментальной реальностью, ничуть не менее плотной, чем реальность окружающего героя мира:

Четверть века прошло за границей,
И надеяться стало смешным.
Лучезарное небо над Ниццей
Навсегда стало небом родным.
Тишина благодатного юга,
Шорох волн, золотое вино...
Но поет петербургская вьюга
В занесенное снегом окно,
Что пророчество мертвого друга
Обязательно сбыться должно (395).

Два исходных пространства — Петербурга и Ниццы — находятся в первых строках в отношении контраста. Черному бархату советской ночи, заданному эпиграфом-цитатой из стихотворения О. Мандельштама *В Петербурге мы сойдемся снова...*, противопоставлено лучезарное небо над Ниццей, северу — юг, черному цвету — золотой, пению — тишина, холоду — тепло, театральному шепоту — шепот волн. Таким образом, источник пения, музыки, поэтического слова связывается с петербургским пространством, которое оказывается в непосредственной близости от лирического героя, т.е. включено в пространство Ниццы: „Но поет петербургская вьюга В занесенное снегом окно“.

Так возникает „невозможная“, с точки зрения обыденной логики, структура бленды, где совмещаются „свой“ и „чужой“ миры. По-

¹³ См. подробнее в нашей работе: Ирина Тарасова: *Феномен бленды в поэтическом мире Г. Иванова*, в: *Композиционная семантика: материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике*. Ответственный редактор Н. Н. Болдырев. Часть I. Тамбов 2002, с. 175-177.

следние строки описывают общее (родовое) пространство, объясняющее возникновение бленда. В его основе — ключевой для поэзии эмиграции мотив встречи и возвращения, главным образом, ментального: во сне, в воспоминаниях, в творчестве.

„Русские” реалии вводятся как ассоциации на окружающую поэта чуждую действительность, в которой герой пытается заметить хоть что-то, напоминающее „свое” пространство, и потому могут рассматриваться как характеризующие ассоциативный слой концепта: „Все какое-то русское — (Улыбнись и нажми!) Это облако узкое, Словно лодка с детьми, И особенно синяя (С первым боем часов...) Безнадёжная линия Бесконечных лесов” (288).

Образный слой сегмента „воображаемая Россия” представлен вариантом поэтической парадигмы Россия — лира, что указывает на особую значимость связи родины и поэзии: „И Россия, как белая лира, Над засыпанной снегом судьбой” (313).

Ось свое/чужое пронизывает и природные образы, например, образ снега, который в поэзии Г. Иванова выступает как парный¹⁴.

Эти образы отличаются положительными коннотациями у Г. Иванова, как и у других поэтов-эмигрантов: „...Московские елочки. Снег. Рождество. И вечер,— по-русскому,— ласков и тих...”(574); „Как будто мы пришли зимой С вечерни в церковке соседней, По снегу русскому, домой” (578). Чрезвычайно значимо в этом плане появление у лексемы „снег” эпитета „русский”: („...О русском снеге, русской стуже... Ах, если б, если б... да кабы...” (555).

С другой стороны, снег (снега) осмысливается как символ трагической судьбы России: „И нет ни Петербурга, ни Кремля — Одни снега, снега, поля, поля... Снега, снега, снега... А ночь долга, И не растают никогда снега” (299).

В указанной работе Ю. С. Степанов выделил четыре понятийных составляющих концепта „Россия”: сама земля, природа, родной человек (русский) и русское слово (язык).

Содержательную наполняемость концепта Россия в поэзии Г. Иванова можно реконструировать, проанализировав сочетаемость прилагательного „русский”. Из 22 употреблений отметим контексты,

¹⁴ Здесь мы используем терминологию И. Смирнова. См.: Игорь Смирнов: *К изучению символики Анны Ахматовой*, в: *Поэтика и стилистика русской литературы*. Ленинград 1971, с. 279-287.

принадлежащие позднему периоду творчества, когда концепт свой/чужой стал для поэта особенно актуален:

русский человек (4 раза) — связан с этнической составляющей концепта;

русский (3 раза) — субстантивно, как обозначение национальности;

русская корона, в буреломе русских бед — как исторические аллюзии, вызывающие представления об исторической трагедии русской земли;

русский снег, русская стужа, русские березы, русские леса — отсылки к природной составляющей концепта;

русский Демон на Кавказе (Лермонтов), *вечная русская слава* (поэзия) — русское слово (язык).

Задаваясь вопросом о своей национальной идентичности („—Вы русский? — Ну, понятно, рушкий” (358), Г. Иванов ставит на первое место свою принадлежность к русскому поэтическому дискурсу: „Считать себя с чего-то русским, Читать стихи, считать ворон” (445) и связанной с ним „вечной русской славе” (577). Именно эта принадлежность дает ему надежду „Воскреснуть. Вернуться в Россию — стихами” (573).

Такое разрешение оппозиции свой/чужой может показаться излишне оптимистичным¹⁵. Действительно, противоречие между своим и чужим может разрешаться и в сторону небытия: „И что же делать? В Петербург вернуться? Влюбиться? Или Орега' взорвать? Иль просто — лечь в холодную кровать, Закрыть глаза и больше не проснуться...” (280). В этом — и знаменитый ивановский талант „двойного зренья”, и то преодоление содержания формой, о котором писал Л.С. Выготский в своем анализе *Легкого дыхания*. Не в этом ли преодолении „заключается истинный психологический смысл нашей эстетической реакции”¹⁶ на творчество этого замечательного поэта?

¹⁵ Автор благодарит профессора Олега Викторовича Марченко за интерес к заявленной теме и ценные замечания, высказанные в ходе обсуждения.

¹⁶ Лев Выготский: *Психология искусства*. Москва 1986, с. 327.

REFERENCES:

- Ivanov G. : *Sobranie sochinenij v 3 tomah*. Tom I. Moskva 1994 (Иванов Г. : *Собрание сочинений в 3 томах*. Том I. Москва 1994).
- Slovar' russkogo yazyka v 4 tomah*. Tom 4. Moskva 1998 (*Словарь русского языка в 4 томах*. Том 4. Москва 1998).
- Smirnov I.: *K izucheniyu simvoliki Anny Ahmatovoj*, v: *Poetika i stilistika russkoj literatury*. Leningrad 1971, s. 279-287 (Смирнов И.: *К изучению символики Анны Ахматовой*, в: *Поэтика и стилистика русской литературы*. Ленинград 1971, с. 279-287).
- Stepanov YU.: *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury*. Moskva 2004 (Степанов Ю.: *Константы. Словарь русской культуры*. Москва 2004).
- Tarasova I.: *Fenomen blenda v poeticheskom mire G. Ivanova*, v: *Kompozicionnaya semantika: materialy Tret'ej Mezhdunarodnoj shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike*. Ответственный редактор Н. Н. Boldyrev. СHаст' I. Тамбов 2002, s. 175-177 (Тарасова И.: *Феномен бленда в поэтическом мире Г. Иванова*, в: *Композиционная семантика: материалы Третьей Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике*. Ответственный редактор Н. Н. Болдырев. Часть I. Тамбов 2002, с. 175-177).
- Tarasova I.: *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody*. Moskva 2018 (Тарасова И.: *Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы*. Москва 2018).
- Tarasova I.: *Poeticheskij idiosstil' v kognitivnom aspekte*. Moskva 2012 (Тарасова И.: *Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте*. Москва 2012).
- Vygotskij L. : *Psihologiya iskusstva*. Moskva 1986 (Выготский Л. : *Психология искусства*. Москва 1986).